



*Куда
Смотреть*

*Самые
модные*

Юлия Ляпина

Нарисую любовь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48634522

Аннотация

Марта проработала ассистентом художника пятнадцать лет. А потом он умер. Огромный кусок жизни ушел вместе с ним, что придет взамен и будет ли то что пришло новым?

История женщины получившей возможность начать все с начала.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Ляпина

Нарисую любовь

Пролог

Марта утерла слезы и снова поднесла к губам бокал. Обычно она не любила спиртное. Максимум позволяла себе глоток шампанского на открытии выставки или бокал пива в уютной компании на базе отдыха. Но вот уже второй день она старательно наливалась вином в надежде заглушить боль. Жорж умер. Повтор этих слов не приносил облегчения, но немного развеивал ее недоумение: ну как? Как такое могло произойти?

Умом она понимала все. И темноту в утренней мастерской, и панику, и дурацкий сенсорный экран, не желающий реагировать на ее дрожащие пальцы. «Скорая», реанимация, длинный больничный коридор и сухие слова усталого доктора в забрызганной кровью робе:

– Обширный инфаркт. Сердце на столько изношенное, это просто чудо, что он дожил до своих лет.

Птичий крик жены Жоржа, Ирины, плач его взрослой дочери. Марта не замечала, что его дочь – ее ровесница, а сын даже старше. Она лишь взглянула на лицо высокой стройной женщины, хорошо сохранившейся для своих лет, увидела в

её глазах торжество и молча ушла.

Пятнадцать лет! Еще глоток – и воспоминания нахлынули с новой силой. Студентка Академии на отделении истории искусства, перспективная девочка. Куратор, молодой и энергичный аспирант, привел ее к Жоржу, чтобы помочь организовать его выставку в здании заброшенного завода. Ей хватило одного взгляда, чтобы влюбиться. Нет, не в его тощую сутулую фигуру – в его работы, небрежно расставленные по мастерской.

Она организовала для него выставку, собрала подписи маститых ценителей, восторженные отклики прессы, фотографии, письма, телеграммы и... организовала еще одну! И еще! В промежутках он возил ее в рестораны, на базы отдыха и в глухие деревни. Рыдал на ее плече во время творческого упадка, заставлял пересказывать критические отзывы на других художников, петь противным голосом попсовые песенки и смешивать краски «на удачу».

Она не была его музой, она была его рабочей лошадкой, тянущей воз околотворческих проблем, но Марта готова была пойти на многое ради того, чтобы видеть, как под его нервными руками рождается очередной шедевр. Она могла часами тихонько сидеть в углу провонявшей скипидаром студии, наблюдая, как ложатся на полотно мазки, а потом вспомнить, что творец ничего не ел с утра, и кинуться в ближайшее кафе за горячим супом и кофе.

И вот теперь его нет. А она, выросла тридцатипятилет-

няя женщина, потеряла цель в жизни и опору под ногами. А также работу, зарплату и хоть какой-то смысл существования.

Глава 1

Напиваться в одиночестве было глупо, но Марта решила позволить себе такую вольность один раз. В конце концов, она теперь безработная.

Жена Жоржа ее не простит. Сколько раз она пыталась вывести их «на чистую воду». Врывалась в мастерскую, будто случайно проезжая мимо. Оставляла на столике телефон с включенным диктофоном. Расспрашивала друзей Жоржа, моделей, натурщиц, даже студентов! Все твердили ей, что Марта и Жорж просто друзья, что она нужна ему как идеальный организатор, вдохновитель и отличный менеджер, но Ирина не верила и продолжала науськивать детей, говорить гадости и просто низводить Марту до уровня прислуги на общих мероприятиях. Жорж потом извинялся за поведение супруги, масляно шуря темные карие глаза, и снова просил Марту задержаться до ночи, чтобы отобрать картины для новой выставки.

Докурив, молодая женщина затушила сигарету в пепельнице и снова уставилась в ночь. Ей тридцать пять. Ни семьи, ни друзей, ни серьезных отношений. Ни один мужчина не выдерживал полуночных звонков с капризным:

– Маааарта, ты мне нужна! – и ее торопливыми сборами в мастерскую.

Родители давно махнули на дочь рукой. Они жили в тихом

поселке, в стороне от любого бомонда, выращивали кабачки, нянчились с тремя детьми ее младшего брата и были вполне довольны жизнью и возможностью говорить соседям:

– Дочка работает в Ярославле.

Друзья... В творческой среде друзей нет. Коллеги, знакомые, «нужные люди» и точка. Сокурсники, одноклассники – все давно пошли своими путями. Порой она встречала их на мероприятиях, радостно улыбалась и слушала:

– О, ты работаешь с Жоржем? Повезло! И как он в постели?

И это еще было самое мягкое и тактичное высказывание!

Вздыхнув, Марта взглянула на разведенный на кухне бардак и криво усмехнулась: интересно, почему местом душевных переживаний всегда является кухня? Завтра похороны Жоржа. Ими занимается Ирина. Добрые люди уже забросали сообщениями все контакты Марты, рассказывая о планах вдовы. Торжественное прощание, высокопарные речи, поминки в шикарном ресторане и прощальная выставка, которую будет организовывать молодой хлыщ и, по слухам, любовник жены Жоржа.

Молодая женщина мысленно пожала плечами. Она не пойдет в зал прощаний. Букет белоснежных лилий с золотой лентой уже отправлен туда. Никто не сможет помешать ей заглянуть на кладбище. Впрочем, Жорж и сам не уважал все эти церемонии, да и ее приучил относиться ко внешним проявлениям печали или радости немного свысока:

– Когда человек счастлив или горюет, ему не нужен никто, – приговаривал он хриплым насмешливым голосом, щедро укладывая мазки. – Ты ведь не будешь горевать по мне, Марта, правда? Будешь радоваться, что старый маразматик хлопнулся в гроб и перестал портить тебе жизнь, – тут он подмигивал так откровенно и пронзительно, что некоторые нервные клиентки начинали поглядывать на нее с подозрением. А вдруг хорошенькая ассистентка уведет мэтра в уголок и будет предаваться разврату?

Тогда девушка смеялась и отмахивалась:

– Жорж, если я испорчу эти визитки, ты сам будешь бурчать не хуже гипотетического маразматика.

Они могли посмеяться вместе, могли поплакать, а могли разругаться вдрызг, швыряя на пол холсты и кисти. Может поэтому Ирина и ревновала. Она давно была просто женой. Не иконой, не музой, не занозой в мягком месте, ей не хватало прежнего огня. Марта ей сочувствовала и где-то даже понимала её, но не собиралась покидать свое место.

Теперь все. Ирина может наслаждаться всеобщим вниманием и наследством, а Марте придется собирать себя по кускам и учиться жить заново. Без Жоржа.

Махнув рукой на беспорядок, молодая женщина ушла в спальню, упала на кровать и уснула.

Глава 2

Разбудил ее настойчивый звонок в дверь. Неужели домработница пришла так рано? С трудом открыв заплывшие от слез и спиртного глаза, Марта добралась до двери и, забыв осторожность, распахнула ее. На пороге переминался молодой парень в строгом костюме с галстуком:

– Марта Александровна Иванцова? – спросил он.

– Да, – ответила она, удивленно рассматривая не званного гостя.

– Меня зовут Антон Владимирович, Жорж просил зайти, если с ним, что-нибудь случится...

Марта побледнела, в голове закрутились самые странные мысли, но мужчина торопливо добавил:

– У меня для вас пакет.

– Заходите! – она широко распахнула дверь и пошла на кухню.

Ей срочно требовалась вода, а ещё успокоительное и компресс. Юноша внял ее состоянию и сидел тихо, пока Марта расчищала стол, пила лекарство и ставила чайник.

– А теперь еще раз, молодой человек. И подробнее, – попросила Марта, закуривая.

– Я – младший помощник нотариуса, родители дружили с Георгием Андреевичем... с Жоржем. Несколько лет назад он оставил у меня пакет и настоятельно просил передать Вам,

если его не станет.

Марта молча протянула руку, а парень сначала подsunул ей листочек с квитанцией и ручку. Черканув подпись, девушка сломала сургучную печать на непривлекательном пакетишке из коричневой оберточной бумаги. Внутри была пачка листов вполне официальных, с печатями и штампами, а сверху лежал листочек, вырванный из школьной тетрадки в узкую линейку. Жорж любил писать свои заметки именно на таких.

«Дорогая Марта. Думаю, когда ты получишь это письма, меня здесь уже не будет. Прости меня, девочка. Я видел, что калечу твою жизнь, но не мог остановиться. Думаю, Ирина уже объявила тебе, что ты уволена, и даже не позволила забрать из мастерской твои вещи. Забудь. Женская месть бессмысленна и беспощадна. Мы знаем, за что она мстит, и ее можно понять. Здесь в пакете билет в новую жизнь. Когда я понял, что ты ничего не построишь рядом со мной, я приготовил это. Прощай. Вспоминай иногда вздорного старика, для которого ты стала маяком в дурацком жестоком мире».

Девушка опустила листок на колени и утерла невольнo покaтившуюся слезу. Юноша молча сидел напротив.

– Объясните мне, что это за бумаги? – попросила Марта, хотя сама уже видела, что оставил ей Жорж.

– Это свидетельства собственности на картины, написанные лично Георгием Андреевичем, билет с открытой датой до Питера, а также дарственная на небольшое помещение в том же городе.

– Личная галерея, как он мечтал, – пробормотала Марта, всматриваясь в план помещения.

– Не совсем. Это, вообще-то, полностью оформленная торговая точка с галереей. Оформлением бумаг занималась наша контора, и, насколько я знаю, там сейчас работает управляющий.

– Благодарю Вас за разъяснения, – она выпрямилась, – больше никаких условий?

– Никаких.

– Что ж, всего доброго!

Курьер сразу простился и ушел, а Марта снова уставилась в окно:

– Ох, Жорж, – проговорила она вслух, – ты слишком хорошо меня знал...

Глава 3

Короткий репортаж о похоронах известного столичного художника она увидела вечером в новостях, закончив наводить в доме порядок. Белоснежные лилии с золотыми лентами стояли в ногах гроба. Рядом изящно трепетала черная вуаль Ирины, выступали «друзья и последователи», бликовали вспышки фотоаппаратов, а Жорж лежал в гробу и ехидно усмехался всей этой суете. Одним глотком допив кофе, Марта потянулась к телефону и набрала номер старой знакомой:

– Але, Инна, сможешь сдать мою квартиру приличным людям? Да, уезжаю. Сама понимаешь. Спасибо!

Через сутки в коридоре уже стояли чемоданы новых жильцов.

Новый шанс Марта восприняла всей израненной душой. Билет ей не пригодился. Ранним утром она села за руль собственной машины и неторопливо выехала на шоссе. Дома, деревья, редкие остановки, она не торопилась, чувствуя, как снова обретает вкус ветра, тепло солнца, ароматы травы и дорожной пыли вместо въевшегося в душу запаха красок.

Обед и послеполуденную жару она провела в небольшой гостинице, устроенной прямо в торце какого-то огромного здания. Администратор любезно подсказала ей, что перекусить можно в кафе, а чай и кофе есть в номерах. Подумав, она сняла номер, чтобы принять душ и немного отдохнуть,

но едва прилегла, как незаметно для себя уснула. Проснулась девушка на удивление расслабленная и долго лежала поверх покрывала, прислушиваясь к легкому шуму машин за окнами. Чувство это было удивительное и практически позабытое – никуда не надо спешить, никто не ждет ее появления, можно, лениво потягиваясь, выбраться из постели, пойти в узкий гостиничный душ, постоять под струями теплой воды, смывая сонную негу.

Открыв чемодан в поисках свежей одежды, Марта вдруг решительно отодвинула привычные брюки и топ. Платье! Хотелось надеть платье! Среди обычного дорожного комплекта нашелся белый в ярких синих брызгах сарафан. Сердце чуть-чуть кольнуло. Сарафан купил Жорж. Вручил перед поездкой на Мальту, потребовал сфотографироваться в нем на фоне каких-нибудь живописных развалин, и, помнится, она действительно прислала ему снимок... Да это тоже было.

Ежегодно строптивый и желчный художник отправлял свою помощницу к теплым берегам. Когда на неделю, когда на две. Ее задачей было вдохнуть тепла и света и привезти это состояние Жоржу вместе с новыми знакомствами, впечатлениями, смешными сувенирами и тропическими ароматами. Провожая Марту коротким кивком головы, Жорж обычно желал:

– Найди себе мачо, красотка!

А она весело смеялась в ответ. Ее отпуска проходили в тишине и одиночестве, часто она засыпала в самолете, а про-

сыпалась уже в отеле, проходя регистрацию. Местными мужчинами она брезговала, а суетливые соотечественники раздражали, так что за все долгие пятнадцать лет «службы» она позволила себе увлечься раз или два, да и то потом жалела.

Отгоняя воспоминания, Марта скользнула в сарафан, всей кожей ощущая шероховатую приятность хорошего хлопка. Шляпка на голову, темные очки, Жорж не любил жару, а ушел в разгар июля, когда в Ярославле плавится асфальт, и даже бомжи носят темные очки, напоминая слегка потрепанных терминаторов.

Девушка за стойкой улыбнулась симпатичной гостье и подсказала, что еще можно перекусить. Марта сдала ключи, попросила отнести чемодан в машину, а сама зашла в маленькое гостиничное кафе. Сок из пакета, холодная яичница, растворимый кофе, все это не сумело испортить Марте настроение, тем более, что по какому-то капризу природы ей подали совершенно восхитительное запеченное яблоко с мороженым и она ела его медленно, растягивая удовольствие и глядя в окно на чуть припыленную зелень.

Дальнейший путь прошел без приключений. Ближе к вечеру она остановилась у магазина, купила воды, печенье и сыр, а к закату, уже въезжала в город Петра, прикидывая, где бы остановиться на ночь, прежде чем явиться в магазин.

Центр кипел и шумел, по Невскому двигались нескончаемые потоки туристов, слышалась разноязыкая речь, проносились мотоциклисты, лавируя между медленно едущими

машинами.

Прежде Марте случалось мотаться в Питер по делам и даже организовывать тут выставку работ Жоржа. Праздничный банкет устроили на теплоходе, ее тогда продуло, и остаток той недели помнился смутно, сквозь пелену температуры. Поразмыслив, девушка решительно повернула руль: ей нужно переночевать одну ночь, возможно, – две, а потом она снимет квартиру поближе к магазину и будет думать, чем хочет заняться дальше. А потому, – плевать на расходы и перспективы, она ставит машину на платную стоянку в центре, а потом едет в домашнюю гостиницу, расположенную неподалеку от арки Главного Штаба и всю ночь слушает шум Невы!

В сезон мест нигде не было, но Марте повезло – как раз в момент ее появления в коридоре топтался худой нескладный мужик с чемоданом. Постоялец спешил в аэропорт и сдавал ключи. Девушка моментально договорилась с хозяйкой, посидела полчаса на кухне с чашечкой крепкого кофе, пока в комнате делали уборку, а потом закрыла за собой дверь и упала на кровать. Все. Она выбралась, можно спать.

Глава 4

Утром ее разбудил протяжный звук, идущий из глубины здания, на миг она вскинулась, потом расслаблено закопалась в подушку: метро начало свою работу. Часа через два, неторопливо поднявшись, Марта посетила душ, надела легкую длинную юбку, модную в этом сезоне, и блузку с летящими рукавами, гладкие темные волосы собрала в привычный строгий пучок. Линзы, легкий мейк-ап, телефон, сумочка... Когда Марта вышла в кухню, чтобы выпить полагающийся к номеру кофе, ее встретила хлопчущая у плиты хозяйка:

– Доброе утро! Кофе?

– Доброе утро! Кофе!

– Не забудьте зонт, – напомнила женщина, ставя перед девушкой чашку и пару крохотных кексов на блюдце.

– Зонт? – Марат перевела взгляд за окно на безмятежное голубое небо.

– В Петербурге дождь идет с 1703 года, – без улыбки сказала хозяйка.

Марта не очень поверила, ведь солнце так ласково грело подоконник, да и не было у нее с собой зонта.

После кофе жизнь заиграла новыми красками, и молодая женщина поспешила выйти в город, намереваясь дойти до магазина пешком. Кожаная папка с документами в сумочку

не поместилась, поэтому Марта оставила ее в гостинице. Она немного робела и собиралась просто познакомиться со своей собственностью. Адвокат уверил ее, что магазин работает, там есть управляющий и, в принципе, она может ничего там не менять, а только получать прибыль, которая отныне будет переводиться на ее личный счет. Так что она воспользовалась картой, предусмотрительно залитой в телефон, и, не спеша, двинулась по утренним улицам, вдыхая свежий пронзительно влажный ветер.

Идти оказалось легко, толпа просто несла ее на Дворцовую, потом – к метро, станция, переход, канал Грибоедова... Побродив по скверу перед Казанским собором, послушав скрипача на углу, Марта взглянула на часы и решила, что уже вполне можно появиться в магазине и, сверившись с картой, отправилась на Моховую.

Магазин нашелся быстро. Он располагался в цокольном этаже длинного старинного здания. Уютные зеленые «маркизы» прикрывали окна, тяжелая дверь радовала глаз начищенной бронзовой ручкой. Пока Марта рассматривала свое приобретение снаружи, вдруг пошел легкий дождь, который в минуту усилился до ливня, так что ей пришлось вбегать в магазин, надеясь, что у дверей нет ничего влагоуязвимого.

Внутри оказалось еще уютнее: знакомый запах красок, скипидара, лака, старых книг, картин и мебели. Лавка была некой смесью между магазином для художников, арт-галереей и художественным салоном. Вдоль стен стояли невысо-

кие шкафы, забытые книгами по искусству, поверх шкафов – статуэтки, шкатулки с ручной росписью, коробки с кистями и пастами. Центральную часть магазина перегородивал прилавок, а за ним до самого потолка располагались ячейки, заполненные товаром для художников: красками, кистями, рулонами холста, бумаги и картона.

Марта неторопливо обошла магазин, отмечая аккуратные ценники, красивое и удобное заполнение пространства, а еще скромную ненавязчивость продавца, который бросал на нее взгляды, но не подходил и не мешал. Так потихонечку она добралась до арки, которая возвышалась над торговым залом на пару ступенек. Возле дверного проема висела табличка: «Галерея работ художника...» Увидев фамилию Жоржа, Марта на миг замерла, борясь со слезами, а потом решительно шагнула вперед, даже не представляя, что ее ждет.

Он много писал, и не всегда показывал ей свои работы, порой, даже нарочито прятал, играя, дожидаясь ее восхищения или гнева. Так что он оставил здесь для нее?

Первая небольшая картина в узкой раме оказалась вовсе не картиной, а посвящением: «Тебе, моей музе, помощнице, свету темных дней». И все. И смещение тонких линий, и закорючка, которой он завершал свою подпись. А дальше... Дальше был портрет. Ее портрет. Марта всегда удивлялась, почему Жорж не писал ее? Никогда даже набросков не делал, а оказалось – писал.

Она с удивлением рассматривала восхищенное лицо де-

вушки, почти девочки, волосы уже стянуты в узел, но еще непокорно ершатся, черная водолазка подчеркивает бледную «зимнюю» кожу, острые локти торчат, рядом на тусклом зеленом фоне – кувшин с цветком. Да, она вспомнила: этот кувшин Жорж писал, когда она впервые пришла к нему в мастерскую, пытался передать матовый блеск белой глины, а оказывается, писал не только кувшин...

Следующий портрет, похоже, написан через год. Да, вот и чуть смазанная дата. Пастель, теплые оранжево-розовые оттенки, хмельной взгляд... Она даже вспомнила это платье, индийский хлопок (подруга привезла из поездки), и она пришла в нем на вечеринку в доме художников. Они тогда здорово повеселились, много танцевали, пили кислое белое вино, заедая крупным желтоватым виноградом. Вино тут было, тот же невесомый бокал, и виноград красиво свешивался из тяжелой серебряной вазы.

Еще год. Скучный синий костюм: узкая юбка, белая блузка, алая папка. Она заканчивала учебу, много ездила, писала диплом. Утомленный взгляд и карандаш за ухом присутствуют.

Еще год. Она обвыклась, перестала воспринимать мир через розовые очки, потребовала увеличить зарплату и официально прописать должность в трудовой. Теперь она в брюках и черной блузке. Странно, как много черного в ее жизни. Акцент уже не на острые локти, а на лицо: резкий взгляд, смоляная бровь над легкомысленной пушистостью ресниц.

Кажется, тогда Ирина поняла, что Марта, это на долго, и ее тонкие шутки превратились в ядовитые подколки.

А на этой картине неожиданно была зима. Марта вспомнила: она тогда заболела так сильно, что не пришла на работу даже в маске. Жорж перепугался и явился к ней сам, а потом, когда поправилась, отправил к солнцу. Первый отпуск. А на портрете – зима. Мягкая шапочка из чернобурки, белый шарф, тонкий морозный узор на стекле и вязь березовых веток. Она здесь снова другая, но трудно сказать в чем различие.

В этом году она устроила выставку в Манеже, а здесь был безумный год увлечения лофтами, квартирниками и арт-галереями в кривых переулках. Это кажется год расставания, тогда ушел Дим, крикнув на прощание что-то острое и злое про юных дур и старых маразматиков. Здесь у нее очень насмешливый взгляд и сломанная стрела под рукой. Да, символично.

Марта дошла до конца коридора-галереи, вглядываясь в свое собственное лицо. Пятнадцать лет, пятнадцать портретов. О, нет, шестнадцать! Последний портрет был практически только наброском: крупные мазки подмалевка, фон намечен несколькими цветными пятнами, выражение лица не видно за полями шляпки, и все же это снова была она, в том самом сарафане, украшенном синими брызгами, на фоне моря и гранитной набережной. Незаконченный портрет. Прощание маэстро.

Девушка всхлипнула, потянулась к стеклу, погладить мазки, потом убрала руку и всмотрелась: что же хотел сказать ей Серж? Она провела в галерее уже больше часа и к середине экспозиции начала понимать, что каждая картина – послание ей. Вот ты была такая, а стала такой, я видел тебя хрупким жеребенком и строгой дамой, и конченной стервой с алой помадой на фильтре сигареты, какую сторону он увидел здесь?

Глава 5

Постояв некоторое время, Марта опомнилась, повернулась, еще раз прошла мимо своих лиц, почти не видя, спустилась по ступенькам, остановилась, собираясь пропустить покупателя и выйти на улицу, но не смогла. За окном все еще лил дождь! Или он начался снова, пока она изучала галерею? Мужчина за прилавком кашлянул, привлекая ее внимание:

– Сударыня, хотите кофе?

На угловой тумбе стояла кофе-машина.

– С удовольствием! – Марта подошла ближе и получила керамическую чашку с восхитительно пахнущим напитком.

Первый глоток смыл слезы, второй согрел сердце, а третий заставил увидеть во всей ситуации кое-что приятное: теперь она свободна! Не будет кислого лица Ирины и злого лица ее сына. Нет больше нужды прислушиваться к телефону даже ночью – вдруг позвонит? Вдруг позовет в мастерскую и потребует читать вслух Младшую Эдду для вдохновения? Теперь она может просто стоять у прилавка собственного магазинчика, пить кофе, лениво скользить взглядом по рулонам бумаги и пачкам угля...

За спиной нежно тренькнула подвеска, ворвался шум и запах дождя, а затем уверенный голос произнес:

– Виктор Саныч, крафтовую бумагу привезли?

Продавец закивал, отставил в сторону свою чашку и по-

вернулся к стеллажу:

– Конечно, Андрей Макарович, конечно! Вот Ваш заказ!

На прилавок лег пакет, перевязанный бумажной бечевкой. Мужчина лет тридцати протянул руку, проследил пальцем строчки этикетки:

– Хорошо, еще упаковку акрила, акварель и две беличьих «восьмерки».

Рядом с пакетом появились краски, кисти, потом покупатель затребовал тонкий фирменный маркер, баночку клея, что-то еще... Наконец, одобрительно кивнул, и вынул бумажник. К этому моменту Марта отошла на самый дальний конец прилавка, чтобы не мешать, но когда мужчина ловким движением подхватил кисть, сделал пару взмахов и поморщился:

– Виктор Саныч, подлиннее ворса нет?

– Увы, – продавец развел руками, – последняя партия вся такая. Немного подождите, через недельку привезут еще.

Мужчина махнул рукой, сгребая покупки в пакет, потом собрался идти, но зацепился взглядом за Марту:

– Простите...

Та подняла лицо, чуть щурясь на яркий блик подсветки, угодившей в глаза.

– Вы – Марта?

– Да, – растеряно ответила она, – откуда?

– Я видел Ваши портреты, – он кивнул на ступеньки, ведущие в галерею, – в реальной жизни Вы еще прекраснее.

Марта дежурно улыбнулась в ответ. Она-то знала, что это говорят абсолютно всем, кого удостоил вниманием художник, поэтому слова скользнули по ее сознанию, не зацепив его.

– Я не знал, что Вы приехали в Питер, насколько я знаю Жорж работал в Ярославле, – продолжил беседу незнакомец.

– Да, приехала, – неохотно ответила она.

Кофе закончился, и ей снова стало зябко. Но мужчина не спешил отходить, так что ей пришлось невольно поднять на него глаза. Лет тридцати, Среднего роста, широкоплечий, с короткой стрижкой – если бы увидела его на улице, подумала бы, что военный в отставке. Одет мужчина в черные дорогие джинсы и рубашку-поло, сверху наброшена легкая куртка, на ногах – удобные разношенные туфли, но наметанный взгляд Марты определил знакомый бренд.

– Может выпьем кофе? – предложил он, выглядывая в окно, – дождь почти кончился.

Марта неопределенно пожала плечами – привычка заводить знакомства, полезные для Жоржа требовала согласиться. За чашкой кофе можно было узнать, где работает художник, где выставляется, обсудить внутрицеховые сплетни, уточнить поставщиков хороших красок и внезапные скидки в отделе финских лаков и красок. Так было раньше, а вот теперь...

– Нет, спасибо, – медленно проговорила Марта, – у меня еще дела.

– Жаль, – мужчина выглядел искренне огорченным, – я бы попросил Вас попозировать, хотя бы для эскиза.

Девушка только усмехнулась. В среде художников приглашение «попозировать для эскиза» было тонким намеком на приглашение в постель. Считая разговор законченным, Марта вышла из магазина, вдохнула влажный воздух и двинулась по улице, прикидывая, что делать дальше. Галерея портретов выбила ее из колеи, так что через некоторое время молодая женщина добралась до Летнего сада и закурила, глядя на воду Фонтанки.

Не хотелось ничего – ни гулять по городу, любуясь дворцами, ни сидеть в уютном кафе, попивая кофе, хотелось свернуться клубком на огромном кожаном диване в мастерской Жоржа, задремать и ощутить, как на зябкие плечи опускается невесомый пух шали, а потом слушать, как где-то возле окна кисть начинает шелкать по холсту, накладывая краски.

Утерев слезы, Марта решила прогуляться по набережной. Разноязыкая толпа туристов текла вокруг нее, невольно вовлекая в свое движение и, махнув на все рукой, она влилась в эту толпу, а очнувшись уже на Невском у просторной «раскладушки» с газетами. Постояв минуту и приведя мысли в порядок, она вспомнила: хотела снять жилье! Она потянула руку к толстеньким серым листам газет с объявлениями. Звонить с шумной улицы показалось неудобно, но и тихая гостиница для этого не подходила. Решение пришло быстро:

машина. Заодно и стоянку подешевле найти, и пару-тройку вариантов объехать.

Глава 6

Поиск жилья затянулся. Туристический сезон задирает цены выше головы, но Марта всегда отличалась настойчивостью. Не раз и не два пробивала Жоржу выставки только потому, что упорно ждала, перезванивала, напоминала и не забывала улыбаться, когда организаторы выдвигали очередное невероятное условие участия.

Помотавшись по центру, она нашла себе жилье в «Старой деревне». Небольшая двухкомнатная квартира с опрятным ремонтом сдавалась частично: одна комната предоставлялась жиличке, а во второй лежали вещи хозяев, отбывших куда-то по служебной надобности. Заключив договор и получив ключи, девушка нашла поблизости охраняемую стоянку и вернулась в гостиницу на метро. Ночной город завораживал, и сердечная боль отступала.

Купив по дороге свежей сдобы и большую плитку шоколада, Марта деликатно стукнула в дверь и была встречена хозяйкой. Постоялицу ни о чем не спросили, предложили кофе и пожелали спокойной ночи, когда сытая девушка явно зевнула. Город баюкал на руках израненную душу, и она охотно купалась в его шуме, в его видах и запахах, забывая горечь и обиды.

Утро началось звонком телефона. Мелодия была знакомой: «Танец с саблями» Хачатуряна. Марта вскинулась с

неясным чувством, схватила смартфон и замерла: эта мелодия стояла только на вызовы Жоржа. Список контактов показывал его имя и фотографию, но Жоржа нет! Осторожно-осторожно, боясь дышать, девушка нажала «принять».

Реальность обрушилась визгливым голосом Ирины. Проклятия, мат, угрозы... Посмотрев на телефон, как на гремучую змею Марта сбросила вызов, положила телефон под подушку и отправилась в душ. Пусть вода смывает все. Она достаточно работала с бумагами, чтобы понять: Жорж не стал писать завещание на галерею и портреты, он просто подарил их ей, причем давно, а дела вел через управляющего. Это означало только одно: оспорить нынешнюю собственность помощницы собственного мужа, как наследство, Ирина не сможет. Впрочем, наверняка попытается, но у Марты есть прекрасная возможность показать зубы.

Освежившись, девушка не спеша подсушила волосы, сделала укладку, собрала немногочисленные вещи и простилась с доброй хозяйкой гостиницы. К этому времени на телефоне билось предупреждение о восьми пропущенных вызовах и дюжине непочитанных сообщений, но переведенный в беззвучный режим смартфон почти не беспокоил. Зато город звал. Манил скорее бросить чемоданы в квартиру и отправиться на Моховую, к очаровательным зеленым «маркизам».

В магазине было хорошо, привычный запах краски, игривый звон колокольчика, божественный аромат кофе. На сей раз за прилавком стоял другой мужчина – постарше, посolidнее, и он узнал Марту с первого взгляда:

– Добрый день. Полагаю, Вы – Марта? – спросил он, протягивая ей кружку с кофе.

– Верно, – Марта прикрыла глаза и сделала осторожный глоток.

– Иосиф Яковлевич, – легкий поклон, затем тяжелый вздох и недоумение в голосе: мне сегодня звонили. Некий молодой человек представился наследником господина Жоржа, требовал предоставить отчетность по магазину.

– Я не звонила, – спокойно сказала Марта и посмотрела в глаза управляющему, – отчетность можно предоставить только налоговой проверке и аудиту, который я назначу, как только Вы убедитесь в моих правах на эту собственность.

Тяжелая папка легла на прилавок, замочек вжикнул, и Марта снова занялась кофе. В папке были нотариально заверенные копии. Оригиналы мирно почивали в сейфовой ячейке банка вместе с частью наличности, которую Марта сняла со своего нового счета.

– Минутку! – бодрый мужчина вынул из кармана футляр, протер и надел очки, а потом взялся за бумаги.

Повинуясь привычке, Марта сложила в папку не только дарственную на галерею и отдельную бумагу на каждый свой портрет, но и диплом искусствоведа, отзывы с выставок и каталоги и сертификаты. Все было изучено самым внимательным образом, пока новая хозяйка бродила среди полок, с интересом рассматривая товары.

– И что же Вы планируете делать с магазином? – наконец спросил Иосиф Яковлевич, снимая очки.

– Ничего, – пожалала плечами Марта, – проведу аудит, проверю поставщиков и доходность, попробую привлечь внимание к галерее, возможно, предложу владельцам картин Жоржа устроить маленький вернисаж в память о нем. Но это все не сейчас, – она склонила голову на бок, – я работала без отдыха пятнадцать лет и теперь просто хочу понять, кто же из меня получился.

– Значит, старый Иосиф пока будет нужен, – задумчиво произнес мужчина.

– Несомненно, – Марта криво улыбнулась, чувствуя, как отступает бравада, и снова накатывает липкий страх.

– Я рад. Вам удалось почти невозможное – превратить Жоржа в художника имя которого знают, так что эти портреты лишь малая часть того, что он мог Вам дать.

– Мне достаточно, – пожалала плечами Марта, и протянула мужчине пустую чашку: – можно еще кофе? Что-то меня знобит.

После второй чашки управляющий сообщил, что в мага-

зине есть отдельная папка, куда складывают предложения по продаже портретов.

– Господин Жорж не хотел продавать серию, – спокойно информировал управляющий, – но вдруг Вас что-то заинтересует.

Марта взяла папку и углубилась в нее, склонившись почти под высокую стойку. Звякнул колокольчик, в помещение ворвался звук дождя и послышался стук подкованных ботинок:

– Йосиф Иаковлевич, – мягкий акцент выдавал приезжего, – Вы подумали над моим предложением?

– Дариан Борисович, – управляющий был так же любезен, – я сообщил о Вашем желании владельцу картин, но ответа пока не получил.

– Очень жаль, – ботинки застучали в направлении галереи, и Марта подняла глаза, рассматривая незнакомца.

Увидела светлые джинсы, светлую рубашку с короткими рукавами, седые волосы и общую сухощавость фигуры.

– Кто это? – спросила у Иосифа Яковлевича.

– Один из тех, чье предложение лежит в этой папке, – кивнул управляющий. – Не самое роскошное, но господин Эрус желает приобрести ваши портреты для галереи реалистичного искусства в Лондоне.

– Жорж знал? – чуть резко спросила девушка.

– Конечно, в папке лежат те предложения, ответы на которые уже получены, – напомнил Иосиф.

Девушка потеряла висок: привычка хвататься за любое

предложение, рассматривать, насколько оно выгодно для Жоржа и, наконец, выносить на его суд. Но теперь это ее собственность и нужно думать о выгоде лишь для себя. Как... непривычно! Пока Марта раздумывала, не пойти ли ей пообщаться с господином Эрусом, в магазин зашли туристы, управляющий отвлекся, и, когда она подняла голову, светлая рубашка мелькнула уже в дверях. Что ж, может, оно и к лучшему.

Глава 7

Бумаги заняли половину дня, и все это время ее телефон был выключен, потом управляющий пригласил ее пообедать в маленькую чайную к своему знакомому. Чай, плюшки, разговор о перспективах магазина привели Марту в благожелательное состояние духа, и она решила погулять по городу, предварительно, конечно, включив телефон, чтобы не заблудиться. Бедный гаджет бился в истерике почти десять минут, выдавая сигналы о пропущенных звонках, смс и сообщениях в мессенджерах.

Быстрый просмотр подтвердил только то, что Марта и так знала: Ирина пошла в атаку. Пришлось звонить старым знакомым, специалистам по имущественному праву, договариваться о предоставлении услуг и спешно искать нотариуса, чтобы отправить в Ярославль доверенность и заверенные копии документов.

Вся эта суета заняла остаток дня, и в метро Марта спустилась уже усталая и раздраженная – желанной прогулки не получилось, и в целом день оказался такой же изматывающий и нервный, как при Жорже, вот только теперь эта обыденность ее не радовала. Хотелось праздника. Радости. Другой – не той, что она видела среди холстов, любуясь тем, как бледный сухощавый мужчина парой взмахов кисти превращает невнятное пятно в цветок.

Прикрыв глаза, девушка слушала, как объявляются станции, и вдруг ощутила на себе чей-то взгляд. Над ней стоял мужчина лет сорока, подтянутый, поджарый, седой. Светлая рубашка, голубые джинсы, пиджак... В голове щелкнуло: господин Эрус! Вторая мысль: он ее узнал! И третья: они не представлены, а значит, можно снова закрыть глаза и сделать вид, что не заметила его пристального взгляда.

Но мужчина понял, что она не спит, и слегка помявшись, все же позволил себе заговорить:

– Простите, мисс, я удивлен. Я и не думал, что могу встретить Вас! Я видел Ваш портрет и хотел его купить!

Марта вынуждено открыла глаза:

– Наверное, Вам показалось, что это я, – вежливо ответила она, – в этом городе много музеев.

– О да, очень много! – мужчина начал радостно рассказывать, что ему понравилось, активно жестикулируя и улыбаясь.

Марта слушала, кивая, и не заметила, что поезд достиг конечной станции. Только увидев, что из вагона вышли все, она спохватилась и потянула Эруса за руку:

– Простите, Эрус, конечная.

– О! – мужчина смутился, и признался, – я не заметил. Очень хотел поговорить с Вами. Это просто волшеббно – увидеть человека, который изображен на портрете. Это как сказка! Как фентези-фильм! Я уверен, что это Вы!

– Реальность оказалась хуже? – понимающе усмехнулась

Марта.

– О, ньет, – Эрус стал серьезным, и пристально посмотрел ей в лицо, – это очень невероятно видеть, как Вы улыбаетесь, как блестяют Ваши глаза...

Они вышли на станции и пересели на встречный поезд, и Эрус вновь заговорил о портретах, немного рассказал о себе, упомянул, что был знаком с Жоржем, но очень коротко, и сердце Марты сжалось. Звучание этого имени до сих пор причиняло боль. А мужчина продолжал говорить, спрашивая, где же она познакомилась с художником и почему он писал ее так часто и так необычно. Марта не хотела признаваться, что теперь все портреты принадлежат ей. Она лишь улыбалась и неопределенно пожимала плечами, и, стараясь обходить скользкую тему, задавала Эрусу вопросы о нем самом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.